

Рецензия
на ВКР обучающегося в СПбГУ
Кашниковой Анны Ильиничны
на тему: «Структурно-функциональные особенности
лексико-семантического поля “Смех” в древнерусском языке»

Всякое исследование, связанное с семантикой лексических единиц, неизбежно и естественно вызывает вопросы, которые возникают хотя бы потому, что и рецензент, и автор работы – носители одного языка, и значение лексической единицы, при всех достижениях современной лексикологии, нормальным носителем языка во многом воспринимается лично, часто – субъективно, а потому – возможно спорно. Неслучайно многие известные лингвисты вовсе отрицали возможность объективного представления лексико-семантических разрядов живого языка, а методу лексико-семантического поля отказывали в адекватности и научности.

Анна Ильинична Кашникова, как мне представляется, прекрасно это понимает, поэтому классифицирует большой лексический материал на основе данных обширной исследовательской литературы, посвященной проблеме системного описания лексики русского языка. Она пытается строго следовать научным критериям выделения той или иной лексико-семантической группы, опираясь на результаты многочисленных работ об ЛСП – от классических в этом отношении статей Ф.П. Филина до современных исследований, например, Ю.А. Кузнецова, Н.И. Курлюта и др. (с. 20).

Итак, Анна Ильинична Кашникова избирает для исследования очень непростую – с точки зрения определения ядра и периферии – системную группу слов, а именно ЛСП «смех», причем выделенную на основе исторического текстового материала. Правда, ею всюду подчеркивается, что уровень анализа единиц поля – синхронный, т.е. взятый в одном весьма продолжительном временном срезе XI–XIV вв., без пред- и пост-истории

лексем, входящих в это поле. Хотя повсеместно даются этимологические справки каждой лексеме, что методически более чем оправдано и важно для верного определения «семантической ниши», которую занимает эта лексема в содержательной структуре древнерусского текста.

Несколько неясной в этом отношении оказалась источниковая база выделенного материала, т.е. в каком порядке велась выборка – от словарей к текстам или наоборот, от текстов к словарям, поскольку в заявленном – функциональном аспекте – это уточнение немаловажно. Во введении (с. 6), а затем и в исследовательской главе (с. 51) указывается, что основными источниками материала являются тексты, однако из самой работы ясно, что полный количественный состав поля складывался, прежде всего, из материалов словарей.

В связи с первым вопросом тут же возникают вопросы, связанные с формулировкой цели, и отчасти формулировкой темы работы, а также одной из задач, где заявляется желание исследовать (цитата) «функционирование поля в целом» (с. 5-6). Поле и ЛСГ, как системная единица, целиком функционировать никак не может. Думаю, мы имеем дело с научной метонимией, когда подразумевается функционирование **единиц** поля, тем более что отдельные разделы работы так и названы «функционирование единиц ЛСГ такой-то», что абсолютно верно. Ограничусь в данном случае рекомендацией более аккуратно использовать базовые термины лексикологии.

В результате большой классификационной работы Анна Ильинична Кашникова выстраивает лексико-семантическое поле, состоящее из нескольких лексико-семантических групп, весьма грамотно структурированных и разносторонне описанных. На с. 40 дана графическая схема, из которой ясно, как представляется автору работы ядро и периферия анализируемого обширного поля смеха, какие поля сопряжены с ним – это ЛСП игры, ЛСП эмоций и ЛСП межличностных отношений.

Вопросы определения границ тех или иных полей и групп – вопросы вечные, во многом проистекающие, повторюсь, из-за того, что семантика плохо поддается структурированию. И тем не менее. Коль скоро сама Анна Ильинична определяет ЛСП игры как отдельное поле, возникает вопрос, на каком основании лексемы его ядра *игра*, *играние* попадают в ЛСП «наименования веселого состояния и веселого времяпрепровождения» (с. 66) и рассматриваются в границах ЛСП смеха? – При введении этих лексем, особенно архилексемы сопряженного поля *игра*, как представляется, необходимо было сделать соответствующие оговорки.

И самый последний вопрос, пожалуй, тоже сопряженный с проблемой определения семантики той или иной лексемы. Учитывая тот факт, что в работе рассматривается широкий круг текстов достаточно протяженного во времени периода XI-XIV вв., учитывая разножанровый характер этих текстов, их особенности бытования и формирования, создается ощущение, что лексемы *радость* и *веселье* вряд ли могут быть представлены в ЛСП «смех» в том значении, какой мы себе представляем с точки зрения современного русского языка, как и обозначено в рецензируемой работе.

В пору борьбы христианской нравственности, христианской добродетели с остатками языческих представлений *смех*, *улыбка* – генетически ‘оскаливание зубов’ (возможно, не совсем «нетипичным» оказывается устойчивое сочетание «смех зубов» – с. 53) и ‘оголение лба’ – это, скорее, противоположность *радости* и *веселию*, торжеству христианского приветствия чистоты, где места животному смеху нет вовсе. Поэтому для поры (по словам Н.С. Бердяева) «радостного христианства» XII в. семантику лексемы, особенно соотносимой в широком смысле с духовной сферой, по-моему, следует реконструировать более аккуратно с учетом множества факторов – жанра текста, места его создания, даже авторства, поскольку в текстах, например, учительной литературы *смех* безусловно будет противопоставлен *радости* и *веселию*, а в текстах светских повестей *на веселии* и *в пиру смех* может быть с ними в одной тематической группе. В

этом отношении автору, возможно, было бы полезно ознакомиться с работой Н.И. Толстого «Культурная семантика славянского *vesel-», в которой эти – по сути культурно-идеологические – метаморфозы слов с корнем *vesel-* хорошо показаны.

По вопросам, я думаю, видно, что представленная выпускная работа содержит в себе множество потенциальных путей дальнейшего развития темы, причем исследование набранной лексики вглубь – в их семантику, историю стилистических и жанровых кочевок и исторических преобразований, может породить не одну подобную исследовательскую работу.

Анной Ильничной Кашниковой уже проделана большая работа. Приятно, что к исследованию привлекаются как неоднократно рассмотренные лексемы, так и те, что вызывают споры исследователей по поводу их происхождения, истории и – вообще – подлинности (*похритати, хухнати, помордати, москолудити, шегати*). Безусловно ценным результатом исследования и хорошим материалом для будущей работы может служить Приложение в виде таблиц словообразовательных гнезд основных лексем поля «смех».

Учитывая трудность исторического материала, учитывая большой объем исследуемых единиц, причем в разных аспектах, способных стать отдельным направлением отдельного изучения, можно смело признать, что работа Анны Ильничны Кашниковой безусловно состоялась, задачи выполнены, имеется большой задел на будущее, а сама выпускница продемонстрировала безусловные исследовательские дарования, пытливость в познании предмета изучения и упорство в достижении поставленной цели.

Работа заслуживает высокой положительной оценки.

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка

Т.С. Садова

07 июня 2018 г.